

не потому, что мы хотимъ этого, но потому, онъ что беретъ ихъ силой, своей диктатурой, мощью Антихристовой.

Наши души пусты и мертвы.

Такъ что-же намъ дѣлать.

Ежедневно, ежечасно, ежеминутно намъ долбать въ головы ученіе матеріализма. И мы — матеріалисты. Онъ пробрался въ нашу душу незамѣтно для насъ, онъ проникъ въ подсознательный міръ и захватилъ его въ свои руки. И мы — матеріалисты и рационалисты, задыхающіеся въ удушьи зловоннаго ученія. Мы — все.

Не надо закрывать глаза на правду, потому что истина превышаетъ все.

Церкви — пусты. Молодежь въ церковь не ходитъ. Не только потому, что она боится гоненій. Это, конечно, играетъ большую роль; но не ходитъ она потому, что не вѣритъ въ церковь, не вѣритъ въ Христа.

Мы — рабы матеріализма. Пустота — рационализмъ — наши душонки.

И въ городахъ и въ деревняхъ — молодежь внѣ церкви. На самыхъ большихъ праздникахъ, въ старыхъ извѣстныхъ церквяхъ — молодежь представлена единицами, да и только женскаго пола.

Церковь гонимая, церковь распятая не въ силахъ поднять свой голосъ, голосъ къ молодежи и, не слыша ея благовѣста, мы вѣримъ, что церковь — мертва.

Когда идешь по улицѣ деревни, города или столицы, то чувствуешь, знаешь, что для насъ — Церковь, религія, Христосъ — мертвы.

Воздухъ у насъ отравленъ бактеріями злого ученія — матеріализма. Словно чума, коситъ онъ людей въ свои трясины.

Такъ что-же намъ дѣлать? Молодежь гниетъ. Матеріализмъ, захватившій души и держащій ихъ въ рабствѣ тьмы, словно цѣпями сковалъ людей.

Судьба обрекла насъ зацвѣсти плѣсенью и прозябть духовными трупами или въ минутномъ протестѣ повиснуть въ петлѣ на веревкѣ и болтаться у стола съ пустыми бутылками, парой стиховъ и недоѣданной коркой хлѣба.

Но плоть въ насъ играетъ. Мы умираемъ духовно, но силы молодости бушуютъ.

И мы дѣлаемъ. Что мы дѣлаемъ.

Объ этомъ потомъ...

Церковная жизнь въ Россіи.

къ ПРАВИТЕЛЬСТВУ СССР.

(Обращеніе православныхъ Епископовъ изъ Соловецкихъ Острововъ).

Несмотря на основной законъ Совѣтской Конституціи, обезпечивающій вѣрующимъ свободу совѣсти, религіозныхъ объединеній и проповѣди, Православная Россійская Церковь до сихъ поръ испытываетъ весьма существенныя стѣсненія въ своей дѣятельности и религіозной жизни. Она не получаетъ разрѣшенія открыть правильно дѣйствующіе органы центрального и епархіальнаго управленія, не можетъ перенести свою дѣятельность въ ея историческій центръ — Москву, ея епископы или вовсе не допускаются въ свои епархіи, или, допущенные туда, бываютъ вынуждаемы отказать отъ выполненія самыхъ существенныхъ обязанностей своего служенія — проповѣди въ церкви, посѣщенія общинъ, признающихъ ихъ духовный авторитетъ, иногда даже посвященія. Мѣстоблюстителю Патриаршаго престола и около половины

православныхъ епископовъ томятся въ тюрьмахъ, въ ссылкахъ или на принудительныхъ работахъ. Не отрицая дѣйствительности этихъ фактовъ, правительственные органы объясняютъ ихъ политическими причинами, обвиняя православный епископатъ и клиръ въ контръ-революціонной дѣятельности и тайныхъ замыслахъ, направленныхъ къ сверженію совѣтской власти и восстановленію стараго порядка. Уже много разъ Православная Церковь, сначала въ лицѣ покойнаго Патриарха Тихона, а потомъ въ лицѣ его замѣстителей пыталась въ официальныхъ обращеніяхъ къ Правительству разсѣять окутывающую ее атмосферу недовѣрія. Ихъ безуспѣшность и искреннее желаніе положить конецъ прискорбнымъ недоразумѣніямъ между Церковью и Совѣтской властью, тяжелымъ для Церкви и напрасно

осложняющимъ для государства выполне-
ніе его задачъ, побуждаютъ руководящій
органъ Православной Церкви еще разъ
съ совершенной справедливостью изло-
жить передъ Правительствомъ принципы,
опредѣляющіе ея отношеніе къ государ-
ству.

Подписавшіе настоящее заявленіе от-
даютъ себѣ полный отчетъ въ томъ, на-
сколько затруднительно установленіе вза-
имныхъ благожелательныхъ отношеній
между Церковью и государствомъ въ усло-
віяхъ текущей дѣйствительности и не
считаютъ возможнымъ объ этомъ умолчать.
Было бы неправдой, не отвѣчающей достоин-
ству Церкви и при томъ безцѣльной и ни
для кого не убѣдительною, если бы они
стали утверждать, что между Православной
Церковью и государственной властью со-
вѣтскихъ Республикъ нѣтъ никакихъ рас-
хожденій. Но это расхожденіе состоитъ
не въ томъ, въ чемъ желаетъ видѣть поли-
тическая подозрительность и въ чемъ его
указываетъ клевета враговъ Церкви. Цер-
ковь не касается перераспредѣленія бо-
гатствъ или ихъ обобществленія, т. к.
всегда признавала это правомъ государ-
ства, за дѣйствія котораго она не отвѣтствен-
на. Церковь не касается и политической
организации власти, ибо лояльна въ от-
ношеніи правительства всѣхъ странъ, въ
границахъ которыхъ имѣетъ своихъ чле-
новъ. Она уживается со всѣми формами
государственного устройства отъ восточной
деспотіи старой Турціи до Республики
Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Это рас-
хожденіе лежитъ въ непримиримости ре-
лигіознаго ученія Церкви съ матеріализ-
момъ, официальной философій коммуни-
стической партіи и руководимаго ею Пра-
вительства совѣтскихъ Республикъ.

Церковь признаетъ бытіе духовнаго на-
чала, коммунизмъ его отрицаетъ. Церковь
вѣритъ въ Живого Бога, Творца міра,
Руководителя его жизни и судебъ, ком-
мунизмъ не допускаетъ его существованія,
признаетъ самопроизвольность бытія міра
и отсутствіе разумныхъ конечныхъ при-
чинъ въ его исторіи. Церковь полагаетъ
цѣль человѣческой жизни въ небесномъ
призваніи духа и не перестаетъ напоми-
нать вѣрующимъ объихъ небесномъ оте-
чествѣ, хотя бы жила въ условіяхъ наи-
высшаго развитія матеріальной культуры
и всеобщаго благосостоянія, коммунизмъ
же не желаетъ знать для человѣка ника-
кихъ другихъ цѣлей, кромѣ земного бла-
годенствія. Съ высоты философскаго міро-

созерцанія идеологическое расхожденіе
между Церковью и государствомъ исхо-
дитъ въ область непосредственнаго прак-
тическаго значенія, въ сферу нравствен-
ныхъ принциповъ. Церковь вѣритъ въ
незыблемость началъ нравственности, спра-
ведливости и права, коммунизмъ считаетъ
ихъ условнымъ результатомъ классовой
борьбы и оцѣниваетъ явленія нравствен-
наго порядка исключительно съ точки зрѣ-
нія цѣлесообразности. Церковь внушаетъ
вѣрующимъ возвышающее человѣка сми-
реніе, коммунизмъ унижаетъ его гордо-
стью. Церковь охраняетъ плотскую чистоту
и святость плодоношенія, коммунизмъ
не видитъ въ брачныхъ отношеніяхъ ниче-
го, кромѣ удовлетворенія инстинктовъ.
Церковь видитъ въ религіи животворя-
щую силу, не только обезпечивающую че-
ловѣку достиженіе его вѣчнаго предна-
значенія, но и служащую источникомъ всего
великаго въ человѣческомъ творчествѣ,
основу земнаго благополучія, счастья и
здоровія народовъ. Коммунизмъ смѣрится
на религію, какъ на опіумъ, опьяняющій
народы и расслабляющій энергію, какъ
на источникъ ихъ бѣдствій и нищеты.
Церковь хочетъ процвѣтанія религіи, ком-
мунизмъ — ея уничтоженія. При такомъ
глубокомъ расхожденіи въ самыхъ осно-
вахъ міросозерцанія между Церковью и
государствомъ не можетъ быть никакого
внутренняго сближенія или примиренія,
какъ невозможно примиреніе между поло-
женіемъ и отрицаніемъ, между да и нѣтъ,
потому что душою Церкви, условіемъ ея
бытія и смысломъ ея существованія яв-
ляется то самое, что категорически отри-
цается коммунизмомъ.

Никакими компромиссами и уступками
никакими частичными измѣненіями въ
своемъ вѣроученіи или перетолкованіи его
въ духъ коммунизма Церковь не могла
бы достигнуть такого сближенія. Жалкіе
попытки въ этомъ родѣ были сдѣланы ново-
вленцами: одни изъ нихъ ставили своей
задачей выѣдрить въ сознаніе вѣрующихъ
мысль, будто христіане по существу свое-
му не отличаются отъ коммунизма и что
коммунистическое государство стремится
къ достиженію тѣхъ же цѣлей, что и Еван-
геліе, но свойственнымъ ему способомъ;
т. е. не силой религіозныхъ убѣжденій,
а путемъ принужденія. Другіе рекомендо-
вали пересмотрѣть христіанскую догма-
тику въ томъ смыслѣ, чтобы ея ученіе объ
отношеніи Бога къ міру не напоминало
отношеніе монарха къ подданнымъ и болѣе

соотвѣтствовало республиканскимъ понятіямъ, третьи требовали исключеніе изъ календаря святыхъ «буржуазнаго происхожденія», и лишенія ихъ церковнаго почитанія. Эти опыты, явно неискренніе, вызвали глубокое негодованіе людей вѣрующихъ.

Православная Церковь никогда не станетъ на этотъ недостойный путь и никогда не откажется ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ отъ обвѣяннаго святыней прошлыхъ вѣковъ, вѣроученія въ угоду одному изъ вѣчно-смѣняющихся общественныхъ настроеній. При такомъ непримиримомъ идеологическомъ расхожденіи между Церковью и государствомъ, неизбѣжно отражающемся на жизнедѣятельности этихъ организацій, столкновеніе ихъ въ работѣ дня можетъ быть предотвращено только послѣдовательно проведеннымъ закономъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства, согласно которому, ни Церковь не должна мѣшать гражданскому Правительству въ устроеніи матеріальнаго благополучія народа, ни государство стѣснять Церковь въ ея религиозно-нравственной дѣятельности.

Такой законъ, изданный въ числѣ первыхъ революціоннымъ Правительствомъ, вошелъ въ составъ Конституціи СССР и могъ бы при измѣнившейся политической системѣ до извѣстной степени удовлетворить обѣ стороны. Церковь не имѣетъ религиозныхъ основаній его не принять. Господь Иисусъ Христосъ заповѣдалъ намъ предоставлять «Кесарево», т. е. заботу о матеріальномъ благополучіи народа «кесарю», т. е. государственной власти, и не оставилъ свои послѣдователямъ завѣта вліять на измѣненіе государственныхъ формъ или руководить ихъ дѣятельностью. Согласно этому вѣроученію и традиціямъ, Православная Церковь всегда сторонилась политики и оставалась послушной государству во всемъ, что не касалось вѣры. Оттого внутренне чуждая правительству древне-Римской имперіи, или въ недавней Турціи, она могла оставаться и дѣйствительно оставалась лояльной въ гражданскомъ отношеніи. Но и современное государство съ своей стороны не можетъ требовать отъ нея ничего большаго. Въ противоположность старымъ политическимъ теоріямъ, считавшимъ необходимымъ для внутренняго скрѣпленія политическихъ объединеній религиозное единодушіе гражданъ, оно не признаетъ послѣдняго важнымъ въ этомъ отношеніи, рѣшительно заявляя, что не нуждается въ содѣй-

ствій Церкви въ достиженіи имъ поставленныхъ задачъ и предоставляетъ гражданамъ полную религиозную свободу.

При создавшемся положеніи Церковь желала бы только полного и послѣдовательнаго проведенія въ жизнь закона объ отдѣленіи Церкви отъ государства.

Къ сожалѣнію, дѣйствительность далеко не отвѣчаетъ этому желанію. Правительство, какъ въ своемъ законодательствѣ, такъ и въ порядкѣ управленія, не остается нейтральнымъ по отношенію къ вѣрѣ и невѣрью, но совершенно опредѣленно становится на сторону атеизма, употребляя всѣ средства государственнаго воздѣйствія къ его насажденію, развитію и распространенію, въ противовѣсъ всѣмъ религіямъ. Церковь, на которую ея вѣроученіемъ возлагается религиозный долгъ проповѣди Евангелія всѣмъ, въ томъ числѣ и дѣтямъ вѣрующихъ, лишена по закону права выполнить этотъ долгъ по отношенію къ лицамъ, не достигшимъ 18-ти лѣтняго возраста, между тѣмъ въ школахъ и организаціяхъ молодежи дѣтямъ самаго ранняго возраста, и подросткамъ усиленно внушаются принципы атеизма со всѣми логическими выводами изъ нихъ. Основной законъ даетъ гражданамъ право вѣровать во что угодно, но онъ сталкивается съ закономъ, лишаящимъ религиозное общество права юридического лица и связаннаго съ нимъ права обладанія какой бы то ни было собственностью, даже предметами, не представляющими никакой матеріальной цѣнности, но дорогими и священными для вѣрующаго исключительно по своему религиозному значенію. Въ цѣляхъ пропаганды противорелигіозной, по силѣ этого закона, у Церкви отобраны и помѣщены въ музеи почитаемые ею останки святыхъ.

Въ порядкѣ управленія Правительство принимаетъ всѣ мѣры къ подавленію религіи: оно пользуется всѣми поводами къ закрытію Церквей и обращенію ихъ въ мѣста публичныхъ зрѣлищъ и упраздненію монастырей, не смотря на введеніе въ нихъ трудового начала, подвергаетъ служителей церкви всевозможнымъ стѣсненіямъ въ житейскомъ быту, не допускаетъ лицъ вѣрующихъ къ преподаванію въ школахъ, запрещаетъ выдачу изъ общественныхъ библіотекъ книгъ религиознаго содержанія и даже только идеалистическаго направленія и устами самыхъ крупныхъ государственныхъ дѣятелей неоднократно заявляло, что та ограниченная свобода,

которой Церковь еще пользуется, есть временная мѣра и уступка вѣковымъ религиознымъ навыкамъ народа.

Изъ всѣхъ религій, испытывающихъ на себѣ всю тяжесть перечисленныхъ стѣсненій, въ наиболѣе стѣсненномъ положеніи находится Православная Церковь, къ которой принадлежитъ огромное большинство русскаго населенія, составляющаго подавляющее большинство и въ государствѣ. Ея положеніе отягчается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что отколовшаяся изъ нея часть духовенства, образовавшая за себя обновленческую схизму, стала какъ бы государственной церковью, которой Совѣтская власть, вопреки ея же изданнымъ законамъ, оказываетъ покровительство въ ущербъ Церкви Православной. Въ официальномъ актѣ Правительство заявило, что единственно законнымъ представителемъ Православной Церкви въ предѣлахъ СССР оно признаетъ обновленческую синодъ. Обновленческіе расколь имѣютъ дѣйствующіе безпрепятственно органы высшаго и епархіальнаго управления, епископы допускаются въ епархіи, имъ разрѣшается посѣщеніе общинъ, въ распоряженіи ихъ почти повсемѣстно переданы отобранные у православныхъ соборные храмы, обыкновенно вслѣдствіе этого пустующіе. Обновленческое духовенство въ извѣстной степени пользуется даже матеріальной поддержкой Правительства, такъ напримѣръ, его делегаты получили бесплатные билеты по желѣзной дорогѣ для проѣзда въ Москву на ихъ такъ называемый «священный соборъ» 1923 г. и бесплатное помѣщеніе въ Москвѣ въ 3-омъ домѣ Московскаго Совѣта. Большая часть православныхъ епископовъ, находящихся въ тюрьмѣ и ссылкѣ, подверглись этой участи за ихъ успѣшную борьбу съ обновленческимъ расколомъ, которая по закону составляетъ ихъ безспорное право въ порядкѣ управленія, но разсматривается въ качествѣ противодѣйствія видамъ Правительства.

Православная Церковь не можетъ, по примѣру обновленцевъ, засвидѣтельствовать, что религія въ предѣлахъ СССР не подвергается никакимъ стѣсненіямъ и что нѣтъ другой страны, въ которой она пользовалась бы столь полной свободой. Она не скажетъ вслухъ всему міру этой позорной лжи, которая можетъ быть внушена только или лицемѣріемъ, или сервизмомъ или полнымъ равнодушіемъ къ судьбамъ религіи, заслуживающимъ безграничнаго осужденія въ ея служителяхъ. Напротивъ,

по всей справедливости она должна заявить, что не можетъ признать справедливымъ и привѣтствовать ни законовъ, ограничивающихъ ее въ исполненіи своихъ религиозныхъ обязанностей, ни административныхъ мѣропріятій, во много разъ увеличивающихъ тяжесть этихъ законовъ, ни покровительства, оказываемаго въ ущербъ ей обновленческому расколу. Свое собственное отношеніе къ государственной власти Церковь основываетъ на полномъ и послѣдовательномъ проведеніи въ жизнь принципа раздѣльности Церкви и государства. Она не стремится къ испроверженію существующаго порядка и не принимаетъ участія въ дѣянїяхъ, направленныхъ къ этой цѣли, она никого не призываетъ къ оружію и политической борьбѣ, она повируется всѣмъ законамъ и распоряженіямъ гражданскаго характера, но она желаетъ сохранить въ полной мѣрѣ свою духовную свободу и независимость, предоставленныя ей Конституціей и не можетъ стать слугою государства. Лояльности Православной Церкви Совѣтское Правительство не вѣритъ. Оно обвиняетъ ее въ дѣятельности, направленной къ сверженію новаго порядка и возстановленію стараго. Мы считаемъ необходимымъ завѣрить Правительство, что эти обвиненія не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ прошломъ, правда, имѣли мѣсто политическія выступленія Патріарха, подавшіе поводъ къ этимъ обвиненіямъ, но всѣ издаанные Патріархомъ акты подобнаго рода направлялись не противъ власти въ собственномъ смыслѣ. Они относятся къ тому времени, когда революція проявляла себя исключительно со стороны разрушительной, когда всѣ общественныя силы находились въ состояніи борьбы, когда власти въ смыслѣ организованнаго Правительства, обладающаго необходимыми орудіями управленія, не существовало. Въ то время слагающіеся органы центрального управленія не могли сдерживать злоупотребленій и анархіи ни въ столицахъ, ни на мѣстахъ. Всюду дѣйствовали группы подозрительныхъ лицъ, выдававшихъ себя за агентовъ правительства, а въ дѣйствительности оказавшихся самозванцами съ преступнымъ прошлымъ и еще болѣе преступнымъ настоящимъ. Они избивали епископовъ и священнослужителей ни въ чемъ неповинныхъ, врывались въ дома и больницы, убивали тамъ людей, расхищали имущество, ограбляли храмы и затѣмъ безслѣдно разсѣивались. Было бы страннымъ, если бы при такомъ напряженіи

политических и своекорыстных страстей, при таком озлоблении одних против других, среди этой всеобщей борьбы одна Церковь оставалась равнодушной зрительницей происходящего. Проникнутая своими государственными национальными традициями, унаследованными ею от своего вѣкового прошлого, Церковь въ эту критическую минуту народной жизни выступила на защиту порядка, полагая въ этомъ свой долгъ передъ народомъ. И въ этомъ случаѣ она не разошлась со своимъ вѣроученіемъ требующимъ отъ нея послушанія гражданской власти, употребляющей свой мечъ во благо народа, а на анархію, являющую общественнымъ бѣдствіемъ. Но съ теченіемъ времени, когда сложилась опредѣленная форма гражданской власти, Патриархъ Тихонъ заявилъ въ своемъ воззваніи къ паствѣ о лояльности въ отношеніи къ Совѣтскому Правительству, рѣшительно отказавшись отъ всякаго вліянія на политическую жизнь страны. До конца своей жизни Патриархъ оставался вѣренъ этому акту. Не нарушали его и православные епископы. Со времени его изданія нельзя указать ни одного судебного процесса, на которомъ было бы доказано участіе православнаго клира въ дѣяніяхъ, имѣвшихъ своею цѣлью ниспроверженіе совѣтской власти. Епископы и священнослужители въ такомъ большомъ количествѣ страждущіе, въ ссылкѣ, въ тюрьмахъ или на принудительныхъ работахъ, подверглись этимъ репрессіямъ не по судебнымъ приговорамъ, а въ административномъ порядкѣ, безъ точно формулированнаго обвиненія, безъ правильнаго разслѣдованія дѣла, безъ гласнаго судебного процесса, безъ предоставленія имъ возможности защиты, часто даже безъ объясненія причинъ, что является безспорнымъ доказательствомъ отсутствія серьезнаго обвинительнаго матеріала противъ нихъ. Православную іерархію обвиняютъ въ сношеніи съ эмигрантами, политическая дѣятельность которыхъ направлена противъ совѣтской власти. Это второе обвиненіе также далеко отъ истины, какъ и первое. Патриархъ Тихонъ осудилъ политическія выступленія зарубежныхъ епископовъ, сдѣланныя ими отъ лица Церкви. Каѳедры ушедшихъ съ эмигрантами епископовъ были замѣщены другими лицами. Когда созванный съ его разрѣшенія Карловацкій Соборъ превысилъ свои церковныя полномочія и вынесъ постановленія политическаго характера, Патриархъ осудилъ его дѣятельность и распустилъ Си-

нодъ, допустившій уклоненія Собора отъ его программы. Хотя канонически православныя епархіи, возникшія за границей, подчинены Россійскому патриархату, однако, въ дѣйствительности управленіе ими изъ Москвы и въ церковномъ отношеніи невозможно по отсутствію легальныхъ формъ сношенія съ ними, что снимаетъ съ Патриарха и его замѣстителей отвѣтственность за происходящее въ нихъ. Можемъ завѣрить Правительство, что мы не принимаемъ участія въ ихъ политической дѣятельности и не состоимъ съ ними ни въ открытыхъ, ни въ тайныхъ сношеніяхъ по дѣламъ политическимъ. Отсутствіе фактовъ, уличающихъ православную іерархію, въ преступныхъ сношеніяхъ съ эмигрантами, заставляеть враговъ Церкви прибѣгать къ гнуснымъ подлогамъ.

Таковъ «документъ», предъявленный въ октябрѣ 1925 г. Введенскимъ, именуящимъ себя митрополитомъ, на такъ называемомъ «священномъ соборѣ» обновленцевъ, не постыдившимся сдѣлать видъ, что онъ повѣрилъ въ подлинность этой грубо сфабрикованной поддѣлки. Свои отношенія къ гражданской власти на основѣ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства Церковь мыслить въ такой формѣ. Основной законъ нашей страны устраняеть Церковь отъ вмѣшательства въ политическую жизнь. Служители культа съ этой цѣлью лишены какъ активнаго, такъ и пассивнаго избирательнаго права, и имъ запрещено оказывать вліяніе на политическое самоопредѣленіе массъ силою религіознаго авторитета. Отсюда слѣдуетъ, что Церковь какъ въ своей открытой дѣятельности, такъ и въ своемъ интимномъ пастырскомъ воздѣйствіи на вѣрующихъ, не должна подвергаться критикѣ или порицанію гражданскія мѣропріятія Правительства, но отсюда вытекаетъ и то, что она не должна и одобрять ихъ, такъ какъ не только порицаніе, но и одобреніе Правительства есть вмѣшательство въ политику и право одобренія предполагаетъ и право порицанія, или хотя бы право воздержанія отъ одобренія, которое всегда можетъ быть понято какъ знакъ недовольства и неодобренія. Соотвѣтственно этому Церковь и дѣйствуетъ.

Съ полной искренностью мы можемъ завѣрить Правительство, что ни въ храмахъ, ни въ церковныхъ учрежденіяхъ, ни въ церковныхъ собраніяхъ отъ лица Церкви не ведется никакой политической пропа-

ганды. Епископы и клиръ и на будущее время воздержатся отъ обсужденія политическихъ вопросовъ въ проповѣдяхъ и пастырскихъ воззваніяхъ. Церковные учрежденія, начиная съ приходскихъ совѣтовъ и кончая патриаршимъ синодомъ, относятся къ нимъ, какъ къ предметамъ, выходящимъ за предѣлы ихъ компетенціи. Они не будутъ также вносимы въ программу приходскихъ собраний, благочинническихъ собраний и епархіальныхъ съѣздовъ, всероссійскихъ соборовъ и не будутъ на нихъ совсѣмъ затрагиваемы. Въ избраніи членовъ Церковныхъ учреждений и представительныхъ собраний Церковь совершенно не будетъ считаться съ политическими взглядами, социальнымъ положеніемъ, имущественнымъ состояніемъ и партійной принадлежностью избираемыхъ, каковы бы они ни были, и ограничится предьявленіемъ имъ исключительно религіозныхъ требованій и чистоты вѣры, ревности въ нуждахъ Церкви, безупречности личной жизни и нравственнаго характера.

Въ республикѣ каждый гражданинъ, не пораженный въ политическихъ правахъ, призывается къ участию въ законодательствѣ и управленіи страной, въ организациі правительства и вліянію въ установленной закономъ формѣ на его составъ. И это является не только его правомъ, но и обязанностью, гражданскимъ долгомъ, въ выполненіи котораго никто не въ правѣ стѣснять его. Церковь вторглась бы въ гражданское управленіе, если бы, отказавшись отъ открытаго обсужденія вопросовъ политическихъ, стала вліять на направленіе дѣль путемъ пастырскаго воздѣйствія на отдѣльныхъ лицъ, внушая имъ либо полное уклоненіе отъ политической дѣятельности, либо опредѣленную программу таковой, призывая къ вступленію въ одни политическія партіи и къ борьбѣ съ другими. У каждаго вѣрующаго есть свой умъ и своя совѣсть, которыя и должны указывать ему наилучшій путь къ строенію государства. Отнюдь не отказывая вопрошающимъ въ религіозной оцѣнкѣ мѣропріятій, сталкивающихся съ христіанскимъ вѣроученіемъ, нравственностью и дисциплиной, въ вопросахъ чисто политическихъ и гражданскихъ, Церковь не связываетъ ихъ свободы, внушая лишь общіе принципы нравственности, призывая къ добросовѣстному исполненію своихъ обязанностей, къ дѣйствию не въ интересахъ личнаго блага, не съ малодушной цѣлью угождать силѣ, а по сознанію справедливости и обществен-

ной пользы. Совершенное устраненіе Церкви отъ вмѣшательства въ политическую жизнь въ республикѣ съ необходимостью влечетъ за собой и ея уклоненіе отъ всякаго надзора за политической благонадежностью своихъ членовъ. Въ этомъ лежитъ глубокое различіе между Православной Церковью и обновленческимъ расколомъ, органы управленія котораго и его духовенство, какъ это видно изъ ихъ собственныхъ неоднократныхъ заявленій въ печати, взяли на себя обязательство передъ Правительствомъ слѣдить за лойяльностью своихъ единовѣрцевъ, ручаться въ этомъ отношеніи за однихъ и отказывать въ порукѣ другимъ. Православная Церковь считаетъ сыскъ и политическій доносъ совершенно несомвѣстимыми съ достоинствомъ пастыря. Государство располагаетъ специальными органами наблюденія, а члены Церкви, ея клиръ и міряне ничѣмъ не отличаются въ глазахъ современнаго правительства отъ прочихъ гражданъ и потому подлежатъ политическому надзору въ общемъ порядкѣ. Изъ этихъ же принциповъ вытекаетъ и недопустимость церковнаго суда по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ. Обновленческій расколъ, возвращая себя въ положеніе государственной церкви, такой судъ допускаетъ. На такъ называемомъ обновленческомъ соборѣ 1923 г. по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ были подвергнуты церковнымъ наказаніямъ, по справедливости вѣнненными Православной Церковью въ ничто, Патриархъ Тихонъ и епископы, удалившіеся съ эмигрантами за границу. Православная Церковь такой судъ отмѣтаетъ. Тѣ церковно-гражданскіе законы, которыми руководилась Церковь въ христіанскомъ государствѣ, послѣ паденія его, утратили силу, а чисто церковные законодательства, которыми единственно въ настоящее время можетъ руководиться Церковь, не предусматриваютъ суда надъ клириками и мірянами по обвиненію въ политическихъ преступленіяхъ и не содержатъ въ своемъ составѣ еще каноновъ, которые налагали бы на вѣрующихъ церковныя наказанія, за преступленія подобнаго рода. Въ качествѣ условій легализаціи церковныхъ учреждений представителемъ ОГПУ неоднократно предьявлялось Патриарху Тихону и его замѣстителямъ требованіе доказать свою лойяльность по отношенію къ Правительству путемъ осужденія русскихъ епископовъ, дѣйствующихъ за границей противъ Совѣтской власти. Исходя изъ

изложенныхъ выше принциповъ, мы не можемъ одобрить обращенія церковнаго амвона и учреждений въ одностороннее орудіе политической борьбы тѣмъ болѣе, что политическая заинтересованность зарубежнаго епископата бросаетъ тѣнь на представителей Православной Церкви въ предѣлахъ СССР, питаетъ недовѣріе къ ихъ законопослушности и мѣшаетъ установленія нормальныхъ отношеній между Церковью и государствомъ. Тѣмъ не менѣе мы были бы поставлены въ большое затрудненіе, если бы отъ насъ потребовали выразить свое неодобреніе въ какомъ нибудь церковномъ актѣ судебного характера, такъ какъ собраніе каноническихъ правилъ, какъ было сказано, не предусматриваетъ суда за политическое преступленіе. Но даже если бы Православная іерархія, не считаясь съ этимъ обстоятельствомъ, по примѣру обновленцевъ рѣшилась приступить къ такому суду, то встрѣтила бы цѣлый рядъ специальныхъ затрудненій, создающихъ неустранимые препятствія къ закономѣрной постановкѣ процесса, при которой единственно опредѣленіе суда можетъ получить непрерываемый каноническій авторитетъ и быть принято Церковью. Зарубежныхъ епископовъ могли бы судить только соборъ Православныхъ епископовъ, но вопли авторитетный не можетъ состояться уже по тому, что около половины православныхъ епископовъ находятся въ тюрьмѣ или ссылкѣ и, слѣдовательно, ихъ кафедры не могутъ имѣть законнаго представительства на соборѣ. Согласно церковнымъ правиламъ вселенскаго значенія необходимо личное присутствіе обвиняемыхъ на судѣ и только въ случаѣ злнамѣреннаго уклоненія ихъ отъ суда разрѣшается заочное слушаніе дѣла. Зарубежные епископы, тяжкіе политическіе преступники въ глазахъ Совѣтской власти, въ случаѣ ихъ прибытія въ предѣлы СССР, были бы лишены гарантій личной безопасности, а потому ихъ уклоненіе и не могло бы быть злнамѣреннымъ. Всякій судъ предполагаетъ судебное слѣдствіе. Православная Церковь не располагаетъ органами, черезъ посредство которыхъ она могла бы расслѣдовать дѣло о политическихъ преступленіяхъ православныхъ епископовъ за границей. Но она не могла бы произнести свой судъ и на основаніи того обвинительнаго матеріала, который собранъ правительственными учреждениями, и если бы даже онъ былъ представленъ въ соборъ, такъ какъ въ случаѣ

возраженія противъ него со стороны обвиненныхъ или представленія ими новыхъ данныхъ и оправдывающихъ документовъ, соборъ былъ бы поставленъ въ необходимость пересмотра правительственнаго расслѣдованія, что со стороны Церкви было бы совершенно недопустимымъ нарушеніемъ гражданскихъ законовъ.

Обновленческій соборъ 1923 г., сдѣлавшій опытъ суда, котораго отъ насъ требуютъ, и пренебрегшій церковными законами, которые его не допускаютъ, тѣмъ самымъ сдѣлалъ свои поставленія ничтожными и никѣмъ не признанными. Законъ объ отдѣленіи Церкви отъ государства двустороненъ, онъ запрещаетъ Церкви принимать участіе въ политикѣ и гражданскомъ управленіи, но онъ содержитъ въ себѣ и отказъ государства отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла Церкви: въ ея вѣроученіе, богослуженіе и управленіе.

Всецѣло подчиняясь этому закону, Церковь надѣется, что и государство добросовѣстно исполнить по отношенію къ ней тѣ обязательства по сохраненію ея свободы и независимости, которые въ этомъ законѣ оно на себя приняло.

Церковь надѣется, что не будетъ оставлена въ этомъ безправномъ и стѣсненномъ положеніи, въ которомъ она находится въ настоящее время, что законы объ обученіи дѣтей закону Божию и о лишеніи религиозныхъ объединеній правъ юридического лица, будутъ пересмотрѣны и измѣнены въ благопріятномъ для Церкви направленіи, что останки святыхъ, почитаемыхъ Церковью, перестанутъ быть предметомъ кощунственныхъ дѣйствій и изъ музеевъ будутъ возвращены въ храмы.

Церковь надѣется, что ей будетъ разрѣшено организовать епархіальное управленіе, избрать Патріарха и членовъ священнаго синода, дѣйствующихъ при немъ, созвать для этого, когда она признаетъ это нужнымъ, епархіальные съѣзды и всероссийскій православный соборъ. Церковь надѣется, что Правительство воздержится отъ всякаго гласнаго или негласнаго вліянія на выборъ членовъ этихъ съѣздовъ и собора, не стѣснить свободы обсужденія религиозныхъ вопросовъ на этихъ собраніяхъ и не потребуетъ никакихъ предварительныхъ обязательствъ, заранѣе предрѣшающихъ сущность ихъ будущихъ постановленій.

Церковь надѣется также, что дѣятельность созданныхъ такимъ образомъ церковныхъ учреждений не будетъ поставлена

въ такое положеніе, при которомъ назначеніе епископовъ на кафедры, опредѣленіе о составѣ освященнаго синода, принимаемыя рѣшенія проходили бы подъ вліяніемъ государственнаго чиновника, которому, возможно, будетъ порученъ политическій надзоръ надъ ними.

Представляя настоящую памятную записку на усмотрѣніе Правительства, Россійская Церковь еще разъ считаетъ возможнымъ отмѣтить, что она съ совершенною искренностью изложила передъ Совѣтской властью, какъ затрудненія, мѣшающія установленію взаимно благожелательныхъ отношеній между Церковью и государствомъ, такъ и тѣ средства, которыми они могли бы быть устранены. Глубоко увѣренная въ томъ, что прочное и довѣрчивое отношеніе можетъ быть основано только

на совершенной справедливости, она изложила открыто, безъ всякихъ умолчаній и обоюдностей, что она можетъ общать Совѣтской власти, въ чемъ не можетъ отступить отъ своихъ принциповъ и чего она ожидаетъ отъ Правительства СССР.

Если предложенія Церкви будутъ признаны пріемлемыми, она возрадуется о правдѣ тѣхъ, отъ кого это будетъ зависеть. Если ея ходатайство будетъ отклонено, она готова на матеріальныя лишенія, которымъ подвергается, встрѣтить это спокойно, памятуя, что не въ цѣлости внѣшней организациі заключается ея сила, а въ единеніи вѣры и любви преданныхъ ей чадъ ея, наипаче же возлагая свое упованіе на непреоборимую мощь ея Божественнаго Основателя и на Его обѣтованіе о неодолимости Его Созданія.

Редакція не имѣетъ данныхъ, позволяющихъ утверждать съ непрекаемостью, что приводимое посланіе является оффиціальнымъ голосомъ Православной Церкви въ С.С.С.Р., но полагаетъ, что это нисколько не умаляетъ значенія печатаемаго документа. Проникнутое сознаніемъ высочайшаго достоинства и вѣчнаго значенія Церкви, отмѣченное духомъ непоколебимой твердости во всемъ, что касается собственно церковной жизни, свободное отъ малѣйшихъ подозрѣній въ оппортунизмъ, и соглашательствъ, посланіе служитъ лучшимъ комментариемъ къ тому, какъ слѣдуетъ понимать провозглашенную свят. Патриархомъ Тихономъ «аполитичность Церкви.»

ПОЛОЖЕНІЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ СССР.

Митрополитъ Сергій Нижегородскій выпущенъ на свободу, хотя изъ Москвы ему еще не позволено выѣхать. Можно предполагать, что освобожденіе его — дѣло рукъ Сормовскихъ рабочихъ, пославшихъ вмѣстѣ съ гражданами Нижняго-Новгоро-

да и окрестныхъ селеній заявленіе объ его освобожденіи. Такимъ образомъ, наша Церковь имѣетъ опять главу церкви — фактическаго, юридическій же глава — мѣстоблюститель Петръ, пребываетъ въ Тобольскѣ.

АРХІЕПИСКОПЪ СЕРАФИМЪ УГЛИЧСКІЙ.

Временный Замѣститель Мѣстоблюстителя Всероссійскаго Патриаршаго Престола (вмѣсто сосланнаго въ сѣверный край Митрополита Петра) Архіепископъ Серафимъ (Самойловичъ) 48 лѣтъ, обучался въ Полтавской Духовной Семинаріи, служилъ 6 лѣтъ въ Америкѣ: 5 лѣтъ при Митрополитѣ Тихонѣ и одинъ годъ при Митрополитѣ Платонѣ. Но возвращеніи въ Россію состоялъ игуменомъ Томскаго Монастыря, потомъ былъ перемѣщенъ настоятелемъ Угличскаго Покровскаго Мона-

стыря, тамъ же возведенъ въ санъ Архимандрита; въ 1920 г. хиротонисанъ во Епископа Угличскаго, съ 1925 года Архіепископъ. Какъ викарій, онъ находится въ подчиненіи у архіепископа Ярославскаго Агафангела, а какъ замѣститель Патриаршаго Мѣстоблюстителя, онъ не зависитъ отъ него. Владыка Угличскій своею привѣтливостью и доступностью производитъ пріятное впечатлѣніе на всѣхъ бывающихъ у него по дѣламъ.